

УДК 113

НОВЫЕ КОЭВОЛЮЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кандидаты филос. наук, доценты БУЛЫГО Е. К., СУХАРЕВА Р. В.

Белорусский национальный технический университет

Ситуация, сложившаяся в современном социально-гуманитарном знании в начале нового тысячелетия, достаточно сложна: анализируя те или иные феномены бытия человека и бытия природы, мы с неизбежностью констатируем разнообразные признаки и черты кризисности. Поэтому сегодня представляется важным не просто преодолеть обозначенную кризисность, но и попытаться переосмыслить ее сущность и значение как для настоящего, так и для будущего развития. Все это ставит перед нами насущную задачу выработки принципиально иной методологии и особого типа парадигмального мышления, которое только и может соответствовать обозначенным задачам. В качестве такой новой методологии можно предложить коэволюционную.

Выход на новую методологию осмысления проблем человека и мира во многом определен открытием современным естествознанием идеи нестабильности, нелинейности мира. Реализовавшись в синергетике, данные идеи весьма успешно работают при решении разнообразных проблем в лазерной физике и биохимии, метеорологии и нелинейной математике. Но ведь очевидно, что гуманитарное знание, описывая и постигая проблемы человека и общества, сталкивается с подобными характеристиками социальной реальности, человеческого бытия, сущности и механизмов художественного и научного творчества. Следовательно, можно сделать вывод о том, что применимость «линейного мышления» весьма ограничена, тогда как перспективы так называемого «нелинейного» или «синергетического» весьма впечатляют.

Коэволюция – это новая методология изучения архисложных проблем взаимосвязи общества (человека) и природы. Коэволюционная методология представляет собой систему принципов построения теоретической и практической деятельности, в которой основополагающими являются принципы: антропокосмизма, комплементарного диалога и универсального гуманизма.

Коэволюционная методология предполагает особый тип философствования, который в историко-философской традиции был сформулирован как антропокосмизм (Н. Федоров, Вл. Вернадский, Н. Холодный). Он существенно отличается от традиционных моделей философствования, таких как теоцентризм, пантеизм, сциентизм и антропоцентризм. В данных моделях предметом философской рефлексии становились соответственно бытие как результат и форма божественной креативности, знание (прежде всего, научное) как самодовлеющая ценность, и, наконец, человек как центр мироздания. Коэволюционная методология определенным образом призвана не просто переакцентировать традиционные проблемы, к примеру, с иерархизированного содержания бытия на его смысл в любых его формах и на любых уровнях. Следовательно, антропокосмизм сознательно отказывается от догматичности и монологичности в отношении с природой. Он предполагает диалог и полифонию: «Нет центра, есть только единство» (Л. Карсавин). И именно в контексте антропокосмизма формируется новый постнеклассический и даже постпостмодернистский образ человека. Он содер-

жательно эволюционирует от системности в осмыслении человека к целостности и цельности (Вл. Соловьев). Важную роль в развитии этих идей сыграл М. Бахтин, который смог очень органично перенести суть русской «философии всеединства» в сферу теории художественного творчества. Интуиции Вл. Соловьева, схватывавшие целостность мира и нерасчлененность познания, совершенно логично соответствуют внутренней логике Вселенной, которая и заявляет себя в мировом многоголосье.

Логически антропокосмизм определяет наличие такого принципа, как комплементарный диалог человека с миром природы, с Вселенной. Чувство комплементарности, своеобразной «кентавристической» гармонии является основой для формирования особого соразвития человека и природы. Умение не исследовать и использовать природу, а понимать ее, постигать ее смысл разрушает нужду в представлении о иерархии и центре, позволяет отказаться от деления на высшее и низшее, исключить из связи с природой отношения в форме господства и подчинения. Остается полифония: все равны на основе справедливости – комплементарности (М. Бахтин). В процессе коэволюции на комплементарной основе естественно трансформируются интересы человека: внимание к умозрительным проблемам и общим закономерностям в отношениях природы и общества угаснет. Интересы перемещаются в поле бытийных, повседневных практик, в которые изначально включен человек (М. Фуко) и которые определяют будущее и человека, и природы.

Сегодня повседневность требует особого внимания и анализа, так как она глубоко травмирована глобальными проблемами, которые имеют свой гордиев узел – глобальный экологический кризис. Следовательно, коэволюционная методология должна из умозрительной гипотезы в рамках так называемой элитарной культуры превратиться в реальное мировоззрение реальных людей. Таким образом может быть преодолен традиционный разрыв между сферами сущего и должного. Очевидно, что повседневные интересы, потребности, привычные формы жизнедеятельности или обыденные практики являются первостепенными и значимыми для людей, нежели элитарные эпистемо-

логические практики, сущность которых исчерпывается, как правило, их рафинированностью и недоступностью. Поэтому можно предположить, что коэволюционная методология оценивает жизненные практики, т. е. привычный образ жизни людей, традиционные формы их поведения и деятельности как генерализирующие в утверждении необходимости диалога между человеком и миром.

Принцип комплементарного диалога с необходимостью требует нового по сути типа отношений между человеком и миром не активно преобразующих, агрессивных (все средства хороши в утверждении господства над природой, которая и существует для человека). Речь идет об отношениях в форме соработничества, синергии (П. Флоренский), которые представляют собой проявление особого универсального гуманизма. Такой тип гуманизма в отличие от ренессансного акцентирует не рацию, не креативную активность человека, но **экологическое измерение** всего живого: человека, природы, ноосферы, космоса.

Такое изменение гуманистических идей и идеалов ни коим образом не снимает значимость творческих возможностей и усилий человека. Более того, классическая и неклассическая философские традиции именно в творчестве видят ту силу, которая утверждает достоинство человека, вырывает его из обезличенности массовой культуры, главной целью которой выступает потребление во всех его формах. Следовательно, насущной становится задача переосмысления сущности, целей и задач самого творческого поиска. Ведь в XXI в. человеческая самость, «Я» исчерпали себя. Реальность такова, что пришло время безличного «имеется» (М. Фуко). Речь идет о том, что рост надындивидуальных структур в результате глобализации гасит творческий потенциал человеческой личности. Человек перестает существовать как креативный центр, а формой творчества становятся простые вариации (Ж. Делез). С очевидностью, не требующей доказательств, творчество, субъективность тиражируются как этикетки для того, что не имеет имени. В силу чего человек превратился в потребителя уже созданного в мире творчества, а субъективность стала продуктом серийного производства (Ф. Гватарри). Следовательно, из уникальной

личности человек превращается в безымянную часть толпы потребителей.

Именно утрата духовности, личностной неповторимости, которые ярче всего воплощаются в творчестве, и является одной из важнейших причин глобального кризиса современности (и экологического, и культурного, и антропологического). При этом «человек-массы» не только не имеет об этом ни малейшего представления, но и не желает его иметь. Решение обозначенных проблем, составляющих особенность современных реалий, позволит найти выход из тотального кризиса только при исполнении одного условия. Сегодня важно не просто снять обозначенные симптомы кризиса, но, прежде всего, определить и устранить его причины. Причина очевидна (даже без проведения параллели между современным моментом и рубежом между XIX–XX вв.): устаревшая парадигма отношений между человеком и миром.

Новая коэволюционная методология – не просто идея в ряду других идей, не один из предлагаемых сценариев будущего развития, а на сегодняшний день – единственно возможный путь гармонизации человеческого бытия, путь спасения окружающего мира. Ведь именно в образе мыслей и образе действий, предлагаемых коэволюционной методологией, содержится реальная перспектива встречи человека и мира не через дистанцированность и противостояние, а через единство, когда эта встреча только и может стать *со-бытием* и для человека, и для Вселенной. Причем речь идет не только о рафинированном умозрении, но о естественной привычке в повседневности осмысления себя-в-мире и мира-в-себе.

Новизна новой методологии, как в целом, так и в отдельных ее моментах, очевидна. Тем не менее, история культуры и Востока, и Запада в различных своих феноменах и с различной степенью артикулированности демонстрирует разнообразные художественные образы, духовные практики и умозрительные модели, так или иначе предвосхищающие новый тип отношений между человеком и миром. В восточной культуре в целом об этом свидетельствует ее основной принцип – принцип антропоприродной соразмерности. Данный принцип, сущность которого составляет представление о гармонии

между человеком и миром, их равнозначность, определяет, так или иначе, все формы духовного и практического отношения восточного человека к миру, Богу и самому себе (подчас, в форме неактивности, недеяния). Так, например, даосизм видит цель человека в избавлении от разорванности субъект-объектного сознания через мистическое единение со всем сущим, что возможно лишь при следовании Дао – естественному пути, которому подчинено все и на уровне Вселенной, и на уровне человека [1]. Японская культура (и особенно искусство) на протяжении веков стремилась к выражению подвижного равновесия, во многом аналогичного китайскому принципу искусства «Созвучие духа – движение жизни». Об этом же свидетельствует так называемый закон «перевернутого усилия» (мастер должен прилагать максимальное усилие в своем творчестве, но так, чтобы само усилие было незаметным, а результат – максимально естественным).

В западной культуре ситуация с интуициями, предвосхищающими новый тип отношений между человеком и миром, достаточно сложная. Во многом эта сложность связана с содержанием самой культуры: в ее традициях всегда четко сформулирована в форме бинаризма так называемая инвариантная схема, отвечающая за ценностно-смысловое единство культуры. Эта схема как универсальная система смыслообразов всегда реализуется в виде универсальных противоположных ролей двух различных культурных персонажей или же поочередно в одном из них. Следовательно, в западной культуре изначально присутствует определенная бинарность, которая не только предполагает наличие смысловых полюсов (например, благо и зло, истина и ложь, праведник и грешник), но и является основанием удвоения мира на мир эйдосов и мир человека, на мир дольний и мир горний и т. п. Такое удвоение мира в западной традиции, как правило, воспринималось как ее достоинство. И, тем не менее, сегодня в совокупности с укоренившейся в античности привычкой к системе в умозрении, мы усматриваем в этом основание для дистанцированности человека и мира, определенного разрыва между ними. При этом возникает резонный вопрос, чем так плохо стремление к системе и системности? Дело в том, что любая система заявляет

себя через границу, через отмежевание от того, что не является ее внутренним содержанием. Естественно предположить, что именно в этом ее достоинство и ее сила. Но в современной культуре, для которой в различных формах ее существования основополагающими становятся понятия «нелинейность», «неравновесность» и которые связаны с новой синергетически-информационной моделью мира, обозначенное отмежевание любой системы от всего того, что не является ею, есть свидетельство ее ограниченности, узости.

Сегодня взгляд на мир должен опираться на представление о системах принципиально нового типа – диссипативных, т. е. открытых, обладающих подвижными границами, образующих единство и целостность не внутри себя, а с миром, самоорганизующихся и саморазвивающихся. Именно на такие системы, неравновесные, нелинейные, на новую модель мира, и опирается новая коэволюционная методология.

Синергетика открыла необычные стороны мира – его нестабильность, возрастание сложности формообразований и способов их объединения в целостности, что и является сутью коэволюционных процессов. При этом сама синергетика является не некоей жесткой системой, а позитивной эвристикой, способом интерпретации мира во всех его проявлениях и определенной моделью встраивания в него. Сам термин «синергетика» (от греч. *совместное действие*) предполагает соединение разных энергий, разных планов бытия, исходя из интуиции целого. Научной основой синергетики является неравновесная термодинамика, а мировоззренческой – не воля человека, а признание и постижение единой логики Вселенной, ее пути, Дао, по выражению китайцев.

Синергетически-информационная модель мира, онтологизирующая понятия «порядок» и «хаос», акцентирующая именно динамический аспект реальности во многом определяет основные характеристики данной методологии, которая и по сути, и по форме должна быть парадоксальной: она призвана позволить управлять не управляя, преодолеть хаос не преодолевая, а включая его в качестве конструктивного порождающего момента [2]. Благодаря данной методологии становится возможным постичь законы бытия, исходя из него самого, а не на-

ших априорных представлений о нем. Так, коэволюция не просто выражает некую абстрактную идею единства мироздания, существующую на определенных принципах (например, теоцентризма и т. д.), а изначально предполагает действительное единство Вселенной на всех ее уровнях. Именно такое единство предполагает антропокосмизм, который есть не просто принцип новой методологии, а новая парадигма, описывающая новые связи между человеком и миром. При этом важно уточнить понятие «парадигма». В контексте новой коэволюционной методологии употреблять его в смысле некоей исследовательской образцовой модели представляется не корректным. Скорее будет удачным смысл данного понятия, артикулированный в античной и средневековой культурах: не образец, не норма, но связь между миром реальным и миром духовным. Тем более что новая методология исходит из необходимости, прежде всего духовных усилий, через духовную сопричастность человека и мира.

Антропокосмизм в качестве перспективной парадигмы человека и мира нельзя истолковывать через представление о чрезмерном масштабе реальности и ее расширении; не стоит его сводить только к идее об антропологическом измерении Вселенной (это такая же ограниченность мировоззрения, с которой мы имели дело в историко-культурной традиции на протяжении нескольких тысячелетий). Антропокосмизм исходит, прежде всего, из идеи единства мира на всех уровнях: макромира, микромира и особой психической реальности. Именно он позволяет поставить важнейший вопрос обратных связей, социальной диффузии, когерентности. Благодаря антропокосмизму стало возможным сделать вывод о том, что процессы, происходящие на микроуровне, влияют на эволюцию структур макроуровня. При этом очевидно, что механизмы перехода от хаоса к порядку и наоборот не зависят от конкретной природы изучаемых систем и объектов, а в одинаковой степени присущи и природному и человеческому мирам. А точки бифуркации как критические, пороговые также значимы для реального человека, осуществляющего индивидуальный выбор, так и для любого другого объекта.

И здесь кстати вспомнить те художественные образы, которые во многом предвосхитили данную парадигму. Речь идет о разнообразных феноменах как европейского, так и русского художественного авангарда XX в. Так, разнообразные художественные интуиции, воплощенные в модернистской и постмодернистской литературе, живописи, кинематографе, оказались предвестниками нового типа отношений между человеком и миром. Об этом свидетельствует и философичное творчество Василия Кандинского, в работах которого нельзя не почувствовать силовые поля космических пространств, движение и цвет, ассоциирующиеся с каплями воды, клеточно-органической природой, напряжение и силу духовных и душевных переживаний. Другая знаковая фигура русского авангарда – Даниил Хармс. Он не только стремился проиллюстрировать идеи «неготового сознания» и «неготового бытия» М. Бахтина, но и усилил их, отказавшись от окончательности своих образов. У Хармса «живое и мертвое, доброе и злое, страшное и приятное, истинное и неистинное – это все крайне зыбкие обозначения, а на самом деле границ и противоположностей, которые этими обозначениями якобы фиксируются, вовсе не существует» [3, с. 74]. В западноевропейской культуре XX в. идея изначального единства мира наиболее отчетливо и авторитетно заявила себя, прежде всего, через идею абсурда. Более того, именно идея абсурда продемонстрировала суть этого единства: через его хаотичность, неупорядоченность и безграничность. Непредсказуемость и неопределенность любых самых простых ситуаций мы обнаруживаем в прозе Ф. Кафки, стремление «мыслить противоположное» дает предшественник абсурдистов Ф. Ницше. Перечень может быть бесконечен. Но есть одно знаковое имя, без упоминания которого говорить о становлении новой парадигмы, о переосмыслении классических, неклассических и постнеклассических вариантов умозрения, не представляется возможным. Речь идет о Мартине Хайдеггере, который абсолютно современен и в своих стремлениях переосмыслить классические антитезы рациональной картины мира, выговорить многоголосье молчания, обозначить смысл и достоинство произведения через недоговоренность и незавершенность, показать

сущность вещи через пустоту, содержащуюся в ней. Это все не просто таинственные метафоры, а единственно очевидный для мыслителя путь почувствовать и выразить единство мира, в котором даже познанное и непознанное неразделимы.

Художники и поэты на протяжении веков, так или иначе озвучивали идею «магической Вселенной», всякий раз видя смысл этой магии в чем-то ином. Сегодня «магия Вселенной» имеет вполне конкретный смысл: она заключена во внутреннем единстве Вселенной, в ее способности к саморазвитию и самоорганизации, в единстве порядка и хаоса на любых ее уровнях и в любых феноменах. Такой взгляд на мир с неизбежностью меняет содержание не только науки, но и философии, искусства, этики. Так, в новой парадигме становится абсолютно бессмысленной идея насилия, ведь насилие может воздействовать только на часть, на определенную функцию, а не на саморазвивающееся целое. Следовательно, естественной и единственно возможной становится позиция невмешательства в ход вещей, ненавязывания своей подчас ограниченной воли, ненасилия. При этом возникает потребность выработки новых моральных моделей. Их сутью должно стать соединение личной и коллективной ответственности, основанной на диалоге и свободе выбора.

ВЫВОДЫ

1. Новая коэволюционная методология связана с синергетически-информационной моделью мира и исходит из идеи его единства, нелинейности и самоорганизации. При этом сама коэволюция человека и природы должна осуществляться через когерентность, согласованность на любых уровнях.

2. Утверждение новой методологии приведет к переосмыслению фундаментальных проблем бытия, в том числе человеческого. Новое звучание приобретет проблема одиночества (если все едино, как говорят на Востоке: «Все в одном, одно во всем», то в чем тогда смысл одиночества?); творчество в любых формах тогда надо рассматривать как самотворение, а скажем, процесс лечения, – как самоисцеление и т. п.

3. Новое содержание получит диалог человека и природы. Становится важным не только признание полифонии, но и чувствительность и человека и природы к малым воздействиям, которые и играют решающую роль в точках бифуркации.

4. Изменение морального сознания должно исходить из значимости свободы выбора в процессах самоорганизации, из бессмысленности силовых методов решения любых проблем, из реальной ответственности человека за себя и мир.

5. Важным следствием нового подхода к проблеме человека и его отношений с миром становится переосмысление понятия «хаос». Оно из определенного негативного трансформируется в отношении к хаосу как к конструктивному моменту всех форм бытия, его креативному принципу.

6. Заново актуализируется игровой подход к человеку и миру. Жизнь можно истолковать как экзистенциальную игру, особый лабиринт в многовариативном пространстве путей будущего развития.

7. И последнее, новая методология является прекрасным способом снять традиционный разрыв и противопоставление между естественнонаучным и гуманитарным знанием на принципе единства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыго, Е. К. Социоприродная реальность в интерпретации западной и восточной философских систем / Е. К. Булыго, Е. С. Логовая // Вестник БНТУ. – 2004. – № 5. – С. 76–83.
2. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
3. Якимович, А. Магическая Вселенная / А. Якимович. – М.: Галарт, 1995. – 168 с.

Поступила 7.07.2005

УДК 330.111.62

ПРОИЗВОДСТВО В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Канд. экон. наук, доц. ВАНЬКЕВИЧ А. И.

Белорусский национальный технический университет

Марксистская политическая экономия рассматривает производство в узком смысле как процесс создания материальных благ в течение данного периода и в широком смысле как непрерывно возобновляющийся процесс, как общественное воспроизводство, охватывающее производство, распределение, обмен (обращение) и потребление продуктов (личное и производственное). Они характеризуют различные стороны воспроизводства, обособившиеся его сферы. Так, производство создает продукт, распределение определяет долю членов общества в произведенном продукте, обмен доводит продукт до потребителя, в потреблении происходит использование созданных благ, уничтожение продукта. В то же время неверно было бы рассматривать их как независимые сферы. Дело

в том, что обмен и распределение входят в непосредственное производство и зависят от него. В действительности «...все они образуют части целого, различия внутри единства» [1]. Это единство еще более очевидно, если рассматривать производство как непрерывный процесс. Основу взаимодействия различных моментов воспроизводства составляет производство, без него не может быть ни распределения, ни обмена, ни потребления. В то же время оно испытывает на себе их обратное влияние.

В производстве всегда участвуют два фактора: вещественный (средства производства) и личный (рабочая сила). Сами по себе рабочая сила и средства производства могут быть одинаковыми в различных обществах, но их социальная сущность, общественная форма всегда